

ДЕТЕКТИВ

ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Дарья Калинина

Солярый
для Снежной
королевы

Сыщицы-любительницы Кира и Леся

Дарья Калинина

Солярий для Снежной королевы

«ЭКСМО»

2014

Калинина Д. А.

Солярый для Снежной королевы / Д. А. Калинина — «Эксмо»,
2014 — (Сыщицы-любительницы Кира и Леся)

Сыщица-любительница Леся обладала добрым и отзывчивым сердцем, она не могла отказать в помощи незнакомой женщине. Татьяна рассказала Лесе о своей беде: кто-то украл ее единственного сына, двенадцатилетнего Павлика. Похититель был убит, мальчик бесследно исчез, а некоторые улики недвусмысленно указывают на причастность к похищению отца ребенка Андрея. Неутомимые подруги Кира и Леся с энтузиазмом взялись за дело, ведь помогать несчастным – их любимое занятие! Расследование довольно быстро вывело детективов на преступника, однако девушки сами оказались в страшной подземной ловушке...

© Калинина Д. А., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Дарья Калинина

Солярый для Снежной королевы

© Калинина Д.А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Глава 1

После замужества жизнь Тани текла легко, просто и очень приятно. Она словно бы разделилась на два временных промежутка: «до» и «после». Если «до» у Тани случались и слезливые приступы жалости к самой себе, и неудачные дни, когда вокруг все словно сговорилось, чтобы выводить ее из себя, и просто паршивое настроение, то «после» было окрашено в исключительно позитивные тона.

А все потому, что муж Тане достался поистине замечательный. Может быть, кто-то из ее бывших подружек и скривил бы губы: ах, не олигарх, а простой скромный школьный учитель, но сама счастливая невеста на таких недальновидных приятельниц внимания не обращала. Пусть себе думают, что хотят, пусть считают ее Андрея недотепой, она-то для себя знает, что лучшего человека на свете, чем ее Андрюшка, и найти невозможно.

Чем же был так хорош ее будущий супруг? Если бы этот вопрос задали Тане, то она, не задумываясь, выпалила бы на едином дыхании: «Да всем!» Для них с Андрюшей это была любовь с первого взгляда. Они встретились, познакомились, заговорили друг с другом и внезапно поняли, что именно друг друга они и ждали всю свою жизнь.

Итак, для Тани все в ее Андрее было прекрасно. А уж для Андрея и вовсе не было девушки на всей Земле милее и прекраснее Танюши. Свою невесту он буквально готов был на руках носить, пылинки с нее сдувать и делать все, чтобы вызвать в ее глазах блеск, а на губах – улыбку. Ради Тани он отказался от учебы в Англии, куда его направил отец. Андрей даже отказался ради Тани от общения с родственниками, которые бедную сироту-невесту видеть в своем окружении категорически не захотели.

– Откажись от нее!

– Я не оставлю Таню и никогда ее не брошу!

И тогда отец произнес фразу, вычеркнувшую сына из членов семьи:

– Если эта голодранка так тебе дорога, то иди и живи с ней. Видно, ни на что большее ты не годишься! Твоя полоумная мамаша все-таки умудрилась вырастить тебя таким же малахольным фанатиком, какой была и сама!

– Мама была верующей, если ты это имеешь в виду, – тихо ответил Андрей, но губы его побледнели.

Но отец не заметил, какую обиду нанес сыну, обозвав его мать сумасшедшей.

– Поди вон! – заорал он вместо этого на сына.

– И пойду! – твердо произнес Андрей.

И действительно, пошел. Ушел из дома, в котором прошло его детство и который он считал своим, чтобы никогда больше туда не возвращаться.

Быстро пронеслась студенческая пора, уже на третьем курсе молодые поженились и зажили хоть и небогато, но зато счастливо. Больших денег у них никогда не водилось, но они к этому и не стремились. Андрей был философом, он считал, что человек должен иметь ровно столько, сколько ему дается. Рвать жилы, идти по головам, чтобы в итоге спустить все деньги на какую-нибудь суетную ерунду, он считал неправильным, ненужным.

– Эта жизнь дается нам не для того, чтобы много зарабатывать, а для того, чтобы много успевать.

От покойной мамы Андрею досталось кое-какое наследство, на которое молодые и жили, пока учились. Да еще помогал им Танин дядя, который считал себя ответственным за судьбу сироты-племянницы. Он регулярно подбрасывал девушке то, что называл «стипендией».

Но годы студенчества остались позади, и теперь Андрей работал в школе преподавателем математики. А Таня работала в той же школе биологом. И надо сказать, что жили молодые не

хуже других. У них был кусок хлеба с маслом. У них была крыша над головой. И конечно, они были друг у друга.

– Мы с Андреем никогда не ссоримся, – с гордостью утверждала Таня.

И это было правдой, потому что даже мелких размолвок у молодых людей никогда не случалось.

Также у Тани была любящая бабушка, которая и вырастила внуку. А у бабушки была небольшая дача под Выборгом, где можно было отлично провести летний отпуск. В лесах было полно ягод и грибов, а Андрей целыми днями пропадал на рыбалке, находя это развлечение вполне безгрешным и чистым, да еще к тому же и малозатратным, что в пору студенчества было для молодой пары самым главным аспектом.

Иногда, желая разнообразить летний отдых, супруги ездили к морю, где в отелях класса эконом им тоже все очень нравилось. Вообще, Таня с Андреем были легкими людьми – для того, чтобы чувствовать себя счастливыми, им было нужно совсем немного.

В городе молодые тоже устроились удачно. Им удалось избежать решения пресловутого квартирного вопроса, отравившего жизнь не одной молодой семье. От покойных родителей Тани остались две комнаты в коммунальной квартире. И вот за них молодые выменяли себе небольшую, зато отдельную квартирку, которую отделали по своему вкусу и в которой поселились, свив собственное семейное гнездышко.

Так что проклятия отца Андрея, уверявшего, что сын без его помощи и поддержки обязательно опустится, сопьется и кончит жизнь где-нибудь в подворотне голодный, оборванный и больной, не сбылись. Андрей обошелся своими силами, сумев отстоять любовь и свое право на нее. Пусть он не был богат материально, зато у него было другое сокровище.

– Самый большой в жизни приз – это ты, моя радость.

Бабушка, вырастившая Таню после того, как она в юном возрасте осиротела, была еще крепенькой. Она жила отдельно, в дела молодых не вмешивалась, считая, что пока в состоянии сама о себе позаботиться, то нечего и дергать людей по пустякам.

В общем, не жизнь, а сахарный сироп. Одни сплошные позитивные стороны. Жизнь Тани после встречи с Андреем смело можно было бы назвать счастливой. Да она и сама так считала. Особенно после того, как у них после многих лет бесплодных попыток все же появился маленький человечек, их нежно любимый сыночек Пашка.

Андрей тем больше радовался появлению сына, что, как он считал, ребенок этот был подарком небес, благословением им с Таней. У Андрея был повод так думать, потому что Пашка появился после того, как они с Таней отправились в паломничество в Александро-Свирский монастырь. И вот после возвращения оттуда, ровно через девять месяцев и один день, и родился у них совершенно здоровый и очень красивый мальчик, которого они нарекли Павлом.

Отец обожал ребенка. Мать души в нем не чаяла. И надо сказать, что Пашка оправдывал такое отношение. Он рос таким послушным, любящим и внимательным сыном, что у других родителей от зависти иной раз прямо скулы сводило. И с каждым днем любовь супругов друг к другу только крепчала, словно бы и не страшны ей были никакие жизненные неурядицы, быт и годы. И не думала Таня, и даже не гадала, что все в ее стабильной, тихой и спокойной жизни может вдруг круто измениться буквально за один миг.

И случилось это по милости все того же дорогого сыночка Пашки, который за эти годы успел вырасти и превратиться во вполне даже самостоятельного мальчишку двенадцати лет, который был способен иметь собственное мнение. И на момент начала этой истории касалось оно того, что он вполне способен добираться из школы до дома самостоятельно.

Если раньше Таня всегда провожала сына домой, то с окончанием начальной школы Пашка поставил ей четкий ультиматум.

– Мама, меня ребята дразнят.

– Что же они тебе говорят?

– Мало того, говорят, что ты, Пашка, учительский сынок, так ты еще и маменькин сынок!

– Ну конечно, любимый, ты маменькин! – попыталась Таня свести все к шутке. – А чей же еще? И мама у тебя учительница – значит, все правильно твои ребята говорят.

Но Пашка, который обычно был не прочь посмеяться вместе с мамой, потому что был добрым и веселым мальчиком, сейчас не захотел даже улыбнуться ей в ответ. Вместо этого он свел свои тонкие бровки и строго произнес:

– Мама, я уже большой! Ты сама мне это все время повторяешь.

– Большой, – тут же согласилась с ним Таня, сердце которой сжалось от преддверия непонятной беды. – И что же?

– А то, что я не хочу, чтобы ребята надо мной смеялись. И я сказал им, что я тоже буду ходить домой сам!

– Как это – сам? – растерялась Таня.

– Без тебя! Все ребята из нашего класса домой сами ходят. А я вечно с тобой за ручку!

Таня окончательно растерялась. В словах сына была своя правда. Таня и сама видела, что в вестибюле школы после окончания занятий только нескольких девочек ждали бабушки или дедушки. Все мальчишки из класса ее сына ходили домой сами. Но какое-то непонятное чувство тревоги не позволило Тане сразу же согласиться на просьбу сына. И она попыталась возразить:

– Но ведь мы все равно идем вместе. Нам же по пути!

Голос у Тани дрожал. Но Пашка в своем стремлении отстоять собственную независимость даже этого не услышал.

– А я хочу идти с ребятами! – решительно заявил он. – Мама, пойми, они надо мной смеются!

Таня промолчала. В душе у нее шла непонятная ей самой борьба. Она была женщиной неглупой и рассудительной и понимала, что ничего ужасного в просьбе сына нет. Он уже вырос настолько, что в состоянии самостоятельно дойти до дома, до которого, по правде сказать, и идти-то всего ничего. Даже дорогу переходить не нужно. И чего она так разволновалась?

– Наверное, это все нервы, – вздохнула Таня, когда вечером пересказала слова сына Андрею. – Но мне почему-то страшно отпускать его одного.

Но Андрей тут же встал на сторону сына:

– Правильно! Взрослый пацан, а все со мной или с тобой за ручку ходит. И из школы домой он вполне способен дойти сам. Пора ему уже понюхать взрослой жизни!

И Андрей подмигнул Пашке, который, притаившись за дверью, подслушивал, как будет решаться его судьба. Как раз в этот момент он высунул голову и увидел заговорщицкий взгляд отца. Мигом поняв, что окончательный вердикт будет в его пользу, Пашка выскочил и закричал:

– Ура! Мама! Папа! Вы просто супер!

Ну и как ради таких слов не выполнить желание ребенка? Может быть, какой-то другой родитель и смог бы это сделать, но точно не Таня и совершенно точно не Андрей. Они своего Пашку обожали безмерно. Все ему разрешали, и любые просьбы ребенка исполнялись родителями незамедлительно. Так было всегда, так получилось и в этот раз.

Как при такой всепоглощающей любви родителей Пашка до сих пор умудрялся держаться и не превратился в избалованное отвратительное чудовище, оставалось только удивляться. Видимо, и тут не обошлось без заступничества свыше.

Так что Пашка получил разрешение ходить в школу и из школы самостоятельно, а в сердце его матери отныне прочно поселилась непонятная ей самой и оттого еще более тягостная тревога. И если утром Тане удавалось так подстраивать, чтобы либо она, либо Андрей выходили из дома вместе с сыном, то после занятий она уже не могла контролировать этот процесс, и Пашка весело уносился прочь в ватаге ребятшек из своего класса.

Домой он возвращался, лишь сделав несколько остановок по пути следования. Так что дорога занимала у него не десять минут, а час-полтора.

– Что ты так дергаешься? – возмущался Андрей, видя, что Таня сидит словно на иголках и постоянно смотрит на часы, пока сын идет от школы до дома. – Пашка гуляет с ребятами на площадке. Придет, никуда не денется.

Когда Тане становилось совсем уж невтерпеж, она выходила встречать сына на улицу, чем вызывала его немалое раздражение. И Тане приходилось выдумывать разные поводы: то ей понадобилось в магазин, то в аптеку, а то и к врачу.

Андрей сердился не меньше сына.

– Если ты не перестанешь так дрожать над Пашкой, то тебе точно понадобится помощь врача. Отстань от него! Пашка становится взрослым, дай ему минимум свободы, положенный в его возрасте.

Таня понимала справедливость слов мужа, но ничего не могла с собой поделать.

– Мне все время кажется, что с Пашей что-то должно случиться, – жаловалась она мужу.

– А тебе не кажется, что ты просто заиклилась на нем? Может, стоит завести еще одного ребенка?

Но Таня не хотела и слышать про второго ребенка.

– Снова беременность, потом роды. Нет, я не хочу. Мне и этот ребенок дался с трудом.

Но она не говорила мужу главного, почему не хочет еще одного малыша. Ведь неизвестно, как отреагирует Паша на появление в семье ребенка. Это сейчас он без конца канючит, чтобы родители подарили ему братика или сестренку. Но если этот самый братик появится, не сочтет ли Пашка себя обделенным материнским вниманием? Не станет ли малыш причиной беспокойства или даже невроза для старшего? Таня боялась причинить сыну даже малейший дискомфорт, и поэтому неизменно отвечала мужу отказом.

И она не видела, как темнеет при этом лицо Андрея, как он разочарованно вздыхает. Андрей считал, что чем больше в доме детей, тем больше в нем радости. И отказ жены от повторного материнства неизменно огорчал его. Но Таня отказывалась это видеть.

– Нам и так хорошо! – вместо этого обнимала она мужа, и лицо Андрея светлело. – Ты, я и Пашка... Мы трое – это и есть счастье. Никакая беда нам не страшна, пока мы вместе.

И все же беда пришла в их дом. Пришла именно с той стороны, откуда и ждала ее Таня. Ждала, ждала и дождалась.

Это случилось в самом конце учебного года, когда Таня и Андрей были по самое горло завалены работой. Казалось, не будет конца череде этих контрольных и проверочных работ. Да еще сверху их закидывали разнообразными тестами, ЕГЭ, ГИА и тому подобными мероприятиями. Пашка к этому времени уже целый учебный год благополучно отходил до дома самостоятельно, ни разу с ним не возникло проблем, и Таня несколько успокоилась. Но оказалось, что рано.

В тот день, когда дети дописывали последний контрольный тест и, казалось бы, впереди был виден просвет, и скоро можно будет немного передохнуть, потому что занятия в летней школе – это сущая ерунда по сравнению с экзаменационным периодом, у Тани как нарочно все валилось из рук.

А работы в школе как назло было еще очень много. Последний день – он и есть последний день. А когда все валится из рук, легче от этого он не становится. Тане приходилось по несколько раз переделывать одно и то же, а потом ей еще надо было обежать продуктовые магазины, где опять же как назло, были длинные очереди. Так что домой она вернулась лишь в шестом часу и обнаружила, что Пашки до сих пор нет. Не было его портфеля, обед стоял нетронутый, зато надрылся домашний телефон.

И вновь недобрые предчувствия наполнили душу Тани. Она упала без сил на стул и лишь потом протянула дрожащую руку и сняла трубку:

– Татьяна Леонидовна, – услышала она ребячий голос, показавшийся ей знакомым. – Это я – Костя, друг вашего Пашки.

– Да, да, Костя, – стараясь, чтобы ее голос звучал спокойно, произнесла Таня. – Паша у тебя?

– Татьяна Леонидовна, Паша не у меня. Его... его украли!

Костя почти плакал. И Таня сразу же отсекала возможность розыгрыша. Она прекрасно помнила этого Костю: он был очень серьезным, чуточку занудным мальчиком, но умницей и отличником. И он никогда не стал бы участвовать в таком глупом розыгрыше, да еще своей собственной учительницы.

– Как – украли? – ахнула Таня. – Кто?

– Какой-то человек посадил его к себе в машину и увез.

– Когда это было?

– Почти два часа назад. Я вам сейчас из полиции звоню. Мы все тут.

– Кто? Кто вы?

Но ответить на этот вопрос Костя не успел. Трубку у него забрали, и другой, взрослый и серьезный мужской голос произнес:

– Татьяна Леонидовна, вам нужно подойти к нам в отделение. От друзей вашего сына поступило сообщение, что Павел похищен какими-то людьми. Нужно ваше присутствие.

– Я уже бегу! – только и смогла произнести Таня.

Не мешкая ни минуты, она схватила со столика свою сумочку и помчалась в полицию. По дороге она столкнулась с мужем.

– Пашку похитили! – на бегу крикнула мужу Таня.

Андрей мигом развернулся, и в двери полицейского отделения они ворвались уже вдвоем.

– Что случилось?

– Где Паша?

Им навстречу поднялся дежурный, а следом за ним из двери кабинета вышел еще один человек.

– Успокойтесь, – властно произнес он.

Таня узнала его голос.

– Это с вами я разговаривала по телефону? – кинулась она к мужчине. – Где Пашка?

– От ребят нами получено подробное описание личности похитителя. Также ребята оказались молодцами, они не растерялись, запомнили регистрационный номер машины и тут же прибежали к нам. От момента похищения до поступления к нам информации прошло не больше десяти минут. Мы сразу же объявили машину похитителя в розыск. Теперь остается только ждать, когда его задержат.

– Значит, пока этого не произошло?

– Пока еще нет. Но вы присядьте, успокойтесь. С минуты на минуту ваш сын найдется. А пока садитесь сюда и ответьте на ряд вопросов.

Таня машинально выполнила то, что требовал от нее полицейский. В голове у нее была странная звенящая пустота. И все-таки она сумела продраться через эту завесу, чтобы сообщить и воскликнуть:

– Но ведь похищение произошло уже два часа назад! Почему же ваши патрульные до сих пор не обнаружили машину этого негодяя?

Она заметила, как смутился полицейский, и заплакала:

– Вы что-то от меня скрываете?

– Клянусь вам, что вы будете первая, кто узнает от меня новости, как только они появятся. А сейчас сядьте и успокойтесь. Вашего сына ищут все наши сотрудники. К тому же мы уже вышли на владельцев машины, так что нами предприняты все необходимые меры.

– И что эти владельцы? Кто они такие?

– Я вам все расскажу, – произнес полицейский. – Но только сначала ответьте на несколько моих вопросов.

Андрей подтолкнул жену к стулу, на который указывал полицейский.

– Присядь, дорогая. Ты же видишь, Пашки тут нет, нам надо подождать, когда мальчик найдется.

Таня с удивлением взглянула на мужа. Андрей был явно смущен, но при этом он выглядел так, словно бы ничего необычного не случилось. Вконец деморализованная Таня устроилась на стуле. Краем глаза она заметила мальчишек – друзей сына, с которыми разговаривал в соседней комнате другой полицейский. И внезапно от осознания того, что все это и впрямь никакая не шутка и не розыгрыш, на ее плечи навалилась ужасная тяжесть. Таня прямо физически чувствовала, как эта тяжесть придавливает ее к земле, душит, не дает свободно дышать.

Затем перед ее глазами все померкло, и она почувствовала, что проваливается в темную бездну, откуда нет выхода. Где нет ни спасения, ни даже надежды на него.

Таня пришла в себя от энергичных похлопываний по щекам. Первым, кого она увидела, был Андрей. Лицо мужа было бледным, и это снова напомнило Тане о случившемся с ними несчастье. Однако кроме них двоих тут были и другие люди.

– Вы упали в обморок, – строго произнес полицейский, также стоящий рядом с ней. – Стыдитесь!

– Стыдиться? Чего мне стыдиться?

– Ваш сын сейчас ждет вашей помощи, а вы вместо этого сознание теряете!

Как ни странно, именно эти слова совершенно постороннего человека помогли Тане собраться с силами, сесть и четко и толково отвечать на вопросы следователя. А вопросов было много. Как ни странно, они в первую очередь касались именно их семьи. Родственники, друзья и просто знакомые, особенно знакомые, появившиеся в последнее время, – вот кто особенно интересовал следователя Ромашенко.

– Скажите, при чем тут наши друзья? – наконец не выдержал и спросил у него Андрей. – Человек, чье описание вы нам продиктовали, нам не знаком.

Со слов мальчишек, поднявших тревогу, похитителем был человек молодой, никак не старше тридцати лет, среднего роста и в теле.

– Брюхо у него было, – заявил один из мальчиков.

– Хоть и молодой, а жирный, – подтвердил другой.

Волосы у похитителя были рыжие или светлые, подстриженные очень коротко. Сколько ни пытались несчастные родители припомнить такого человека среди своих знакомых, но так и не смогли. Тем более их поразило описание машины, на которой было совершено преступление. Черный «Мерседес» представительского класса, да еще с салоном, отделанным роскошной светлой кожей.

– Это очень странно, что похититель отправился на дело на такой машине. Ваш сын яростно сопротивлялся, когда преступник запихивал его в салон. Он мог испортить дорогую обивку. Обычно на таких машинах простых мальчиков да еще среди бела дня не похищают. Так могут действовать лишь законченные отморозки, которым терять нечего. Но человек, имеющий в своем распоряжении такую дорогую машину, явно имел, что терять. Также мне непонятно, на что он рассчитывал, похищая ребенка на глазах у многочисленных свидетелей. Мне кажется, он принял вашего сына за кого-то другого.

– Как это?

– Перепутал. Мальчишки ведь все похожи.

Сами родители так отнюдь не считали, но следователь стоял на своем.

– Мальчики-свидетели утверждают, что похититель, когда схватил Павла, закричал: «Наконец-то я тебя нашел!» И только после этого он потащил ребенка к себе в машину.

– Если он искал другого ребенка, а Пашу схватил по ошибке, наверное, он уже должен был понять, что ошибся, и отпустить нашего сына. Почему же этого не произошло?

На этот вопрос следователь ответить не сумел. Однако у него был и другой сюрприз для родителей похищенного ребенка.

– Мы навели справки, и если ребята правильно записали номер, а я думаю, что так оно и есть, то данная машина зарегистрирована на посольство иностранного государства.

– Пашку украли на посольской машине? – ахнула Таня.

– И более того, никакой информации о том, что эта машина была из посольства угнана, к нам не поступало. Мы даже сделали дополнительный звонок, но нам заявили, что все их машины находятся в целости, а за их сохранность отвечают водители. И пообещали, что свяжутся с нужным нам водителем.

– И что? Связались?

– Информации пока нет. Телефон водителя выключен или находится вне зоны действия сети. Однако они поинтересовались внешностью похитителя и спустя некоторое время подтвердили, что приметы совпадают с внешностью их водителя.

– Значит, нашего Павла украл водитель иностранного посольства?

– Или кто-то, имеющий доступ к его машине и обладающий схожей с похитителем внешностью.

– Кто же?

– Родственник. Например, брат или племянник.

Таня почувствовала некоторое облегчение, услышав, что личность похитителя практически установлена и произошло это за считанные часы. Если дело будет развиваться такими темпами, к ночи Павел будет уже дома. Какой же дурак этот водитель, что отправился на похищение ребенка на машине, по которой его так легко было вычислить! И как хорошо, что им достался такой глупый и недалёковидный похититель, которого легко можно будет поймать!

Но как оказалось, это был еще не конец. После того, как дело было заведено, все необходимые формальности улажены, Ромашенко дал на подпись документ, уведомляющий Таню и Андрея о том, что все их телефонные разговоры с этой минуты будут прослушиваться.

– А это еще зачем? – поинтересовался Андрей.

– Как же? – удивился в ответ следователь. – А вдруг похититель выйдет на связь с вами? Тогда запись телефонного разговора с его участием послужит дополнительной уликой в суде.

Слышать об этом Тане было невыносимо тяжело, и она снова заплакала. В очередной раз ей на грудь словно бы навалилась гряда камней, которая мешала свободно дышать. Все происходящее порой казалось ей дурным сном: проснешься – и нет ничего. Но то и дело какой-нибудь эпизод или реплика призывали несчастную женщину вернуться в действительность и осознать, что все происходит на самом деле и никуда от этого не денешься.

Выйдя из отделения, Таня дала волю слезам. Андрей утешал ее, как мог. Но Таня продолжала твердить:

– И почему это случилось именно с нами?

– Я не знаю. Наверное, это испытание для нас с тобой.

– Господи, скорее бы уж они нашли эту машину и похитителя! – вырвалось у Тани.

– Найдут!

– Хоть бы с Пашкой все было в порядке!

– Он цел и невредим!

В голосе Андрея слышалась уверенность. И Таня недоуменно покосилась на мужа. Он же ответил ей честным и открытым взглядом:

– Мы с тобой ни в чем не виноваты. Паша – тем более безгрешная душа, он же еще ребенок! А значит, все будет хорошо. Господь не допустит несправедливости.

Таня такой уверенности отнюдь не испытывала. В отличие от мужа, она не была религиозным человеком, ее вера была отнюдь не так крепка, как у ее мужа. Да, она посещала с мужем церковные службы, даже ходила на исповедь и к причастию, но вот того религиозного порыва, какой охватывал ее мужа во время этих таинств, она никогда не испытывала.

Да, конечно, она верила, что все в мире подчиняется некоей высшей воле, что сами по себе не могли возникнуть Земля и жизнь на ней. Но верить в то, что где-то существует некий высший разум, управляющий всеми глобальными переменами во Вселенной, было куда легче, чем поверить в то, что этот же самый высший разум готов заниматься ее суетными каждодневными делами и делишками.

Ведь где Таня с ее проблемками и где Творец всего сущего? Совершенно несопоставимые, казалось бы, вещи. И Тане казалось, что Господь вряд ли выкроит минутку для того, чтобы отвлечься на поиски ее ребенка. Не стоит его даже и отвлекать своими просьбами. Нет, надо, чтобы этим основательно занялись те люди, которым по долгу службы положено это делать – полицейские. Поиск похищенных детей – это часть их работы, а значит, они должны ее выполнять.

Тем более что дело казалось совсем простым. Ну что сложного в том, чтобы найти конкретного человека, который наверняка где-то живет, где-то работает, кого-то любит, с кем-то общается? Либо в одном, либо в другом, либо в третьем месте его обязательно схватят. А когда схватят, он сам выложит, куда дел Павлушу и как собирался распорядиться судьбой похищенного ребенка.

Впрочем, о том, каковы были замыслы похитителя насчет их сына, родителям предстояло узнать уже совсем скоро.

Глава 2

Когда они возвращались домой, еще с лестницы услышали, как в их квартире надрывается телефон.

– Звонят! – дернулась вперед Таня.

Но Андрей ее опередил. Он первым схватил телефонную трубку, и сердце у Тани замерло.

– Да, – произнес Андрей и вдруг закричал: – Кто это говорит? Похититель?

Отчего-то на лице Андрея на мгновение появилось изумленное выражение, но уже в следующую секунду он справился с собой и произнес:

– Я понял. Что с Павлом? Он в порядке?

Собеседник ему что-то ответил, на что Андрей снова воскликнул:

– Я хочу, чтобы вы дали мне с ним поговорить!

Громкий голос Андрея больно резанул слух Тани. Обычно ее муж избегал слишком эмоционального общения. Даже на учеников он никогда не кричал, как бы сильно они его ни доставали. Уже поняв, что Андрей общается с похитителем их ребенка, Таня подскочила к нему и попыталась выхватить трубку у него из рук. Но Андрей отодвинулся, не давая ей этого сделать. Он был выше и, конечно, гораздо сильнее Тани. Силой она не могла ничего добиться и взмолилась:

– Дай мне самой с ним поговорить! Дай!

Но Андрей даже не обратил на нее внимания.

– Мой сын – это не предмет для торга, – отрезал он. – Конечно, мы соберем сумму, которую вы озвучили. Займем что-нибудь, продадим, но только верните ребенка!

Тане, наконец, удалось приблизить руку мужа к своему уху настолько, чтобы она тоже могла слышать разговор. Но в этот момент в трубке раздался какой-то противный скрежет, а потом запикали гудки отбоя.

– Что? – вцепилась теперь в мужа мертвой хваткой Таня. – Что он сказал тебе?

– Выкуп.

– Сколько?

– Он требует за жизнь Паши сто тысяч.

– Долларов?

– Нет, рублей.

Андрей говорил совершенно серьезно. И Таня оторопела. В первый момент у нее отлегло от сердца. Все оказалось не так уж страшно. Она ожидала услышать какие-то невероятные суммы, а тут всего лишь сто тысяч рублей. Да такую сумму им могут дать в банке без особых проблем и лишних документов. Хоть завтра, если потребуются. Или зачем им обращаться в банк за займом? Почти вся сумма есть у них и так. Деньги лежат на книжке, ждут, когда они потратят их на летний отдых. Но раз такое дело, они отдадут эти деньги похитителям, а недостающие несколько тысяч займут у знакомых или родственников Тани.

– А... а когда мы должны отдать ему деньги?

– Завтра в восемь часов вечера. В семь часов он позвонит и скажет, где мы должны оставить деньги.

– Значит, все в порядке? – пробормотала Таня. – Этот человек возьмет у нас деньги и вернет Пашу?

– Наверное.

– Что значит наверное? Почему наверное?

– Надо обсудить с этим Ромашенко. Все-таки он отвечает за всю операцию.

И словно он только этого и ждал, им позвонил Ромашенко.

– Разговор с похитителем записан, – коротко проинформировал он родителей. – Сейчас его запись передана в аналитический отдел. У вас есть требуемая сумма?

– Да.

– Отлично, рад за вас. Но эти деньги вам не понадобятся. Наши специалисты приготовят для передачи похитителю «куклу» со специально помеченными купюрами. От вас же с женой потребуется завтра сходить в банк.

– Зачем? Вы же сказали, что сами приготовите деньги.

– Верно. Но у похитителя, который может наблюдать за вами, должно создаться впечатление, что вы собираете требуемую им сумму.

– Я понял. Мы все сделаем.

– Очень на это надеюсь. Потом мы позвоним вам и сообщим дальнейшие инструкции.

Андрей хмыкнул.

– Вы же понимаете: чем точнее вы будете следовать нашим инструкциям, тем больше надежда увидеть живым своего сына?

Андрей не сдержался и грустно хохотнул.

– В чем дело? – насторожился следователь.

– Извините, просто вы сейчас слово в слово повторили то же самое, что сказал мне похититель.

– Возможно. Но разница между нами в том, что я действительно хочу, чтобы вы увидели своего ребенка живым, а у похитителя, скорее всего, интерес противоположный.

И Ромашенко, явно немного обиженный сравнением с похитителем, прервал разговор, прежде чем Андрей успел у него узнать, как продвигаются дела с поиском машины похитителя и его самого. Удалось ли полицейским сесть на хвост злодею, или они так же теряются в догадках относительно его места пребывания, как и родители?

Следующее утро наступило скорее, чем ожидала Таня. Она думала, что будет всю ночь лежать без сна, но едва они пришли в дом и выпили по настоянию Андрея чаю, как Таню стала одолевать сильная дремота.

– Пойду прилягу, – только и смогла пробормотать она.

Дальнейшие воспоминания были у нее путанными. Кажется, Андрею пришлось на руках отнести ее в кровать и даже раздеть. Потом он оставил ее одну, а сам вышел. А Таня заснула и крепко спала до самого утра, когда ее нежно разбудил муж, поцеловав в щеку. Он был уже одет, причесан и выбрит.

– Вставай, соня, – сказал он Тане. – Как тебе спалось?

– Ты не поверишь, но я прямо провалилась.

– Наверное, сказалось нервное перенапряжение. Вот твой организм и потребовал себе передышку.

Таня приподнялась на локте и, с удивлением оглядев мужа, констатировала:

– А ты, я вижу, уже встал?

– Пора идти за деньгами для похитителя.

Настроение у Андрея было приподнятое, так что Таня даже удивилась.

– Чего это ты такой веселый?

– А что? Пашка будет нам возвращен в самое ближайшее время.

– Сплюнь! Сглазишь!

Но Андрей в ответ на замечание жены неожиданно нахмурился.

– Сплюнь, сглазишь... Ах, Таня, Таня... Это же все суеверия. А я говорю тебе, как будет! Господь не оставит нас.

И все же Таня не могла найти себе места. Она отнюдь не разделяла твердой уверенности мужа в том, что все будет в порядке. Порядок будет, когда Пашка окажется рядом с ней. А пока

до порядка еще очень далеко. Едва встав, Таню снова стала бить нервная дрожь. И с каждой минутой ей становилось все хуже и хуже. До банка она едва смогла дойти, а когда они вернулись домой с деньгами, которые решили все же для пущей правдоподобности снять со счета (вдруг похититель набрался наглости и прошел за ними в помещение банка или же наблюдал через окна), Таня почувствовала себя и вовсе скверно.

– Мне нехорошо. Мне страшно, – твердила она. – А что если похитители не вернут нам Пашу?

– Все будет в порядке! Вот увидишь. Верь мне.

Но Таня не могла довериться в этом вопросе мужу. Какой с него спрос? Он ничего не решает, а решает кто-то другой. И пусть муж думает, что решения принимаются высоко наверху, она-то знает, что в данном конкретном случае все решит непосредственно тот, кто ездит на черном «Мерседесе» и у кого в руках находится сейчас ее сын. И как влиять на этого человека, неизвестно.

Не в силах терпеть неизвестность, Таня позвонила Ромашенко.

– Очень хорошо, что вы позвонили. Я и сам собирался с вами связаться. Сейчас к вам под видом почтальона придет человек от меня. Он покажет вам фотографии похитителя. Возможно, вы сумеете его узнать.

Почтальон пожаловал буквально через четверть часа. Это был щеголеватого вида молодой человек с тонкой ниточкой черных усов над верхней губой и гладкими, зачесанными назад и покрытыми гелем волосами. Менее похожего на почтальона человека подыскать было просто невозможно. Но Таня, которая не выносила таких вот нарядных мальчиков, на сей раз кинулась к нему, как к родному.

– Ну что? Есть новости о моем сыне?

– Кое-что.

– Вы нашли похитителя?

– Мы нашли его машину.

– Правда?

– Откровенно говоря, долго искать не пришлось. Машина, на которой было совершено похищение ребенка, найдена брошенной неподалеку от дома Гуцы Анатолия Сергеевича.

– Так зовут водителя? – догадалась Таня.

– Да, так его зовут.

Голос полицейского был каким-то упадническим. Совсем не так должен звучать голос победителя, который сообщал о важной найденной улике.

Таня пожелала узнать причину и услышала в ответ:

– Хотя машина и найдена, но следов вашего сына или хотя бы его похитителя нам пока что обнаружить не удалось.

Сердце у Тани снова упало.

– Как – не удалось?

– А так, – с раздражением отозвался молодой полицейский. – Машину мы обнаружили аккуратно припаркованной во дворе одного из соседних домов. Вашего сына в ней, ясное дело, не оказалось. И куда подевался Гуца – тоже непонятно.

– Но вы продолжаете его искать?

– Конечно. Наши люди опрашивают жителей квартир, из чьих окон можно было увидеть припарковавшийся «Мерседес». Возможно, похититель просто поменял машину, пересел сам и пересадил похищенного ребенка в другое транспортное средство. Тогда нам необходимо выяснить, в какое именно, ведь сейчас мы этого не знаем. Но есть надежда, что нам удастся найти свидетелей, которые что-то видели и могут прояснить этот момент.

– А сам Гуца? Что вам удалось узнать про него? Он злодей?

– Анатолий Гуца всюду характеризуется с положительной стороны. Ни приводов в полицию, ни каких-либо правонарушений за ним замечено не было.

– И тем не менее, он похитил нашего Пашку, – тихо пробормотала Таня. – Удивительно! Муж покосился на нее, взглядом попросив помолчать.

А молодой полицейский продолжал рассказывать:

– Сегодня ночью дома Гуца не ночевал. Друзья его не видели. У невесты он не появлялся. Мы везде спрашивали, но все безрезультатно.

– А... а на работе?

– На работе у него сегодня выходной, его там никто и не ждет.

– Как же так? Разве этот Гуца не должен был вернуть служебную машину в гараж посольства?

– Вообще-то должен.

– А почему не вернул?

– А почему он похитил вашего ребенка? – вопросом на вопрос ответил ей полицейский. – Я не знаю! И куда делся – тоже не знаю. И никто не знает. И самое главное, никто не понимает, почему, имея хорошо оплачиваемую работу, полный соцпакет и отличную медицинскую страховку, Гуца польстился на какие-то жалкие сто тысяч рублей. Да он зарабатывал в месяц половину того, что потребовал у вас в качестве выкупа!

И помолчав, добавил уже более спокойным и деловым тоном:

– Кстати, я чуть не забыл, зачем пришел к вам. Вот, взгляните, это фотографии Гуцы. Узнаете вы этого человека?

Таня с Андреем уставились на разложенные перед ними фотографии. Если бы Таня не знала, что Гуца – похититель ее сына, то он бы ей даже понравился. Не как мужчина, а просто как человек. Лицо у него было круглое и добродушное. Глаза хоть и маленькие, но совсем не злые. Складывалось впечатление, что человек он разумный и даже славный.

Но какой разумный и славный человек станет похищать чужого ребенка, да еще на глазах у свидетелей, да еще потом требовать за него несуразно маленький выкуп? Только полный кретин или идиот. Так может, это не он?

Но молодой полицейский, словно предвосхищая вопрос Тани, сказал:

– Мы уже показали эту фотографию мальчикам – свидетелям произошедшего. И все они подтвердили, что это личность похитителя вашего Павла.

Пока Таня раздумывала обо всем об этом, Андрей уже произнес:

– Нет, к сожалению, нам с женой этот человек незнаком.

Таня с удивлением взглянула на мужа. Почему он взялся отвечать за нее? Полицейский тоже удивился и вопросительно взглянул на Таню.

– Нет, – была вынуждена признаться она. – Я этого человека никогда раньше не видела.

– Жаль, – поскущел полицейский. – У нас была надежда, что вы его припомните. Ну что же, тогда примите и распишитесь.

И он вытащил из-за пазухи небольшой сверток.

– Это деньги?

– Да, деньги, которые вы должны отнести похитителю, когда он вам перезвонит. За вашей машиной будет установлено наблюдение. И я вас очень прошу: выполняйте все требования похитителя беспрекословно.

Несчастные родители пообещали, что они именно так и поступят. И полицейский на прощание постарался ободрить их:

– Ничего, будем ждать вечера, тогда все и прояснится.

Таня с благодарностью кивнула, а Андрей даже пожал руку. Вот только, к сожалению, вместо того, чтобы проясниться, к вечеру дело только еще больше запуталось.

Сначала все шло, как и было запланировано. Похититель позвонил ровно в семь часов вечера. На сей раз трубку взяла Таня. И она могла бы поклясться, что голос похитителя был очень молодым и звучал лишь слегка взволнованно.

– Отнесите деньги на детскую площадку возле дома номер тридцать пять по улице Наставников.

– А ребенок? Как мы сможем забрать ребенка?

– Делайте, что вам сказано, если хотите увидеть его живым!

И похититель сбросил звонок.

– Ну что...? Поехали?

Особого выбора у несчастных родителей не было. Ведь они получили предельно четкие инструкции от полиции: они должны делать все, что потребует от них похититель.

Они даже не подозревали, что выбранное похитителем место для передачи выкупа вызвало бурную волну обсуждений у полиции. В отличие от родителей похищенного ребенка, полицейские знали, что Гуца как раз и проживал на улице Наставников. Правда, его дом находился через дорогу от упомянутой детской площадки, но все равно это было очень близко к его дому.

Ромашенко даже предположил:

– Он что же, никуда не уезжал и все это время нахально ошивался где-то поблизости от своего дома?

– По всей видимости, это так.

– Он совсем дурак? Вы там в его личном деле никаких отметок об идиотизме или кретинизме не встречали?

Но ничего такого не было. И пока что полицейским оставалось лишь предположить, что похититель ведет какую-то непонятную им игру. Они решили следовать по пятам за родителями похищенного ребенка и ждать, когда события позволят им вмешаться и задержать преступника.

Таня и Андрей четко следовали полученным инструкциям. Без десяти восемь они уже были у нужной им детской площадки, а ровно в восемь Андрей спрятал сверток в детском городке. После этого ему оставалось лишь вернуться в машину и отъехать на достаточное расстояние, чтобы похититель счел возможным приблизиться к деньгам.

Теперь в дело вступала полиция. Один из переодетых в штатское оперативников прогулочным шагом направился в сторону детской площадки. На ней почти не было детишек, потому что погода весь день была прохладная, а к вечеру совсем похолодало. Но все-таки несколько деток тут еще играли. Потом двоих из них забрала мамаша, уже давно ежившаяся на ветру в одной лишь тоненькой курточке. Оперативник пристально посмотрел им вслед, но так как ни она сама, ни один из ее отпрысков не приближался к объекту наблюдения, он не стал преследовать их. Вместо этого он сосредоточил все свое внимание на последнем ребенке – мальчике лет десяти-двенадцати.

Тот факт, что ребенок играл на детской площадке в вечернее время совсем один, безо всякого присмотра старших, сам по себе был подозрительным. Однако вскоре оперативник понял, что не столько он ведет наблюдение, сколько за ним самим наблюдают. Мальчишка косился на него все более и более враждебно и подозрительно, не скрывая своего недовольства от присутствия на площадке постороннего взрослого.

Поняв, что ему лучше уйти, оперативник докурил сигарету и все так же неторопливо двинулся прочь. Он знал, что наблюдение за площадкой продолжит кто-нибудь из его коллег. Как только мальчишка увидел, что подозрительный чужак наконец-то утопал прочь, он немедленно кинулся к городку, где были спрятаны деньги, схватил пакет с выкупом за Павла и, оглядевшись по сторонам, кинулся прочь.

Теперь надо было поспешить. Шкет чесал с такой скоростью, что преследовать его незаметно было затруднительно. К счастью, мальчишка больше не смотрел по сторонам. Он несея, прижимая к груди драгоценный сверток, так что безо всяких объяснений было ясно: он прекрасно знает, что в этом свертке находится что-то ценное.

– Берем мальчишку?

– Ни в коем случае. Рано! Если взять пацана сейчас, он соврет, что сверток просто нашел. И мы ничего не сумеем ему вменить.

Между тем мальчишка уже скрылся в подъезде дома, в котором проживал Гуца. Это окончательно привело сотрудников полиции в замешательство. Неужели преступник и впрямь настолько обнаглел, что даже не потрудился сбежать, все это время ошиваясь где-то поблизости от своей квартиры или даже находясь в ней? А ведь полицейские установили наблюдение за квартирой подозреваемого, но никто, похожий на Гуцу, туда не входил и оттуда не выходил. Однако факт оставался фактом: мальчишка, держа в руках пакет с выкупом, забежал не просто в подъезд дома, где жил Гуца. Он забежал именно в тот подъезд, в котором находилась квартира похитителя.

Ждать дольше было нельзя. И Ромашенко дал команду к задержанию.

Спустя всего минуту после того, как за мальчишкой захлопнулась дверь подъезда, к ней подбежали оперативники. Они быстро справились с этой преградой и поспешили наверх. На табло лифта горела цифра семь. Это был этаж, где жил Гуца.

– Наверх!

Один оперативник поехал на лифте на восьмой этаж, откуда потом осторожно стал спускаться, а двое побежали наверх по лестнице. Однако они добрались до седьмого этажа, никого по дороге не встретив, и тут услышали откуда-то сверху жалобные мальчишечьи голоса. Поднявшись еще на один пролет, они увидели своего коллегу, державшего за шиворот двух мальчишек. Первый был оперативникам уже знаком. Это именно он отирался на детской площадке, а потом схватил пакет. А вот второго они видели впервые.

Второй парень был постарше, на вид ему было лет тринадцать, а то и все четырнадцать. Но его круглое лицо и короткие светлые волосы показались оперативникам знакомыми.

– Гуца? – спросил один из них.

Он лишь предположил, но толстенький парнишка охотно кивнул головой.

– Анатолий Сергеевич? – с большим сомнением в голосе переспросил полицейский.

Но недоразумение прояснилось, когда парень заговорил:

– Толя – это мой брат. А я Витька! Отпустите, дяденьки! Чего вы? Я не тот, кто вам нужен! Вам старший Гуца нужен, а я младший!

Однако Ромашенко, который к этому времени уже тоже оказался на месте задержания, мальчишке не поверил. Заметив, что левый карман его куртки чем-то набит, он вытащил оттуда знакомый сверток с деньгами для выкупа.

– А это у тебя откуда?

– Это его! – быстро соврал младший Гуца, кивая на приятеля.

Но тот не захотел становиться козлом отпущения и яростно воспротивился:

– И не мое это вовсе! Ты сам велел мне пойти на детскую площадку и принести, что там будет.

– Заткнись!

– Сам заткнись! – ничуть не побоялся шкет. – И свою тысячу можешь оставить себе!

– Сколько он пообещал тебе за услугу? – полюбопытствовал Ромашенко. – Тысячу рублей?

– Да.

– А себе, выходит, ты девяносто девять тысяч решил оставить?

И так как младший Гуца молчал, Ромашенко спросил у него:

– Ну а где вы с братом прячете похищенного ребенка?

– Я ничего не знаю, – угрюмо отозвался Гуца. – Я его даже не видел!

– А как же про выкуп узнал?

Младший Гуца молчал, старательно отводя глаза в сторону и громко сопя при этом носом. Он был явно сильно сконфужен тем, как повернулось дело, но каяться не спешил.

И тут Ромашенко неожиданно осенило.

– Или выкуп – это лично твоя идея? – воскликнул он.

– Моя! – наконец признался малолетний вымогатель и вызывающе шмыгнул носом.

Впрочем, когда его доставили в отделение полиции, воинственности в нем значительно поубавилось. И он очень быстро признался, что идея получить выкуп за похищенного Павла возникла у него после подслушанного разговора брата с каким-то неизвестным типом.

– Этот тип предложил брату украсть пацаненка. Брат сначала отказался, но потом все-таки согласился. Тот тип пообещал ему в награду много денег. А брату деньги всегда были нужны.

– Но речи о выкупе не шло?

– Нет. Просто Толька должен был взять мальчишку и отвезти куда-то.

– Куда отвезти?

– Этого я не знаю.

– Не знаешь или не хочешь говорить?

– Не знаю! Честно – не знаю!

– Ладно, поверим тебе пока. Рассказывай дальше.

– Ну а чего рассказывать-то?.. Толька все сделал, а я подумал: чего бы и мне не воспользоваться ситуацией? Родители-то небось рады будут дать денег, чтобы сын к ним вернулся. Вот я и позвонил им.

– Умный какой! А домашний телефон похищенного ребенка откуда узнал?

– А чего тут узнавать-то? Имя и фамилию пацана я и так знал. Брат, когда записывал, вслух произнес, а я запомнил. Название улицы, где этот парень живет и где его лучше всего забрать, тоже подслушал. Ну а телефон домашний после этого плевое дело узнать. У Сашки дома компьютерная программа стоит, там адреса всех живущих в городе жителей есть. Ну, и телефоны домашние тоже.

– Значит, ты узнал домашний телефон родителей Павла и принялся им звонить. Ничего не скажешь, ловкий ты парень! А как узнал, когда пора звонить?

– Слышал, как брат у того типа уточнял, в какой день лучше будет Павла забрать. Я как из школы пришел, пообедал, телик посмотрел и сразу же стал звонить этим людям.

– И сколько же раз ты им звонил?

– Много.

– Много?

– Да, сначала они трубку не брали, а когда взяли, я спросил, у них ли ребенка похитили. И когда мужик мне сказал, что да, то я ему все про выкуп и сказал.

– А чего сразу в тот же день денег у них не потребовал?

– Так ведь им собрать всю сумму надо было. Я в детективах видел: всегда время на сбор выкупа дается.

– И не побоялся, что мы за это время найдем твоего брата и вернем ребенка родителям?

– Если бы нашли, то мне бы выкуп не заплатили, правильно ведь? Я как рассуждал: если дельце выгорит, то я могу хорошо приподняться. А если нет, то ничего ведь и не потеряю.

И Гуца снова шмыгнул носом. Похоже, у парня были проблемы с носовым дыханием. Нос у него был заложен: то ли насморк, то ли аденоиды, то ли то и другое вместе. Так или иначе, а хорошо соображать этот дефект парню явно мешал. Недостаток кислорода, знаете ли,

сказывается на умственных способностях. И план, который он придумал, был очень детским и наивным. Однако он бы обязательно сработал, если бы не оперативная работа правоохранительных органов, которые сумели вывести малолетнего шантажиста на чистую воду.

Впрочем, до чистой воды было еще далеко. Предстояло еще найти старшего Гуцу. И самое главное, надо было найти похищенного им Пашку. Потому что если факт похищения старшим братом ребенка был теперь практически доказан, то куда он увез ребенка, по-прежнему было тайной.

– Я не знаю, где Толя, – упрямо твердил младший брат. – Труба у него вырублена. Я не знаю, куда брат подевался.

– Но куда он намеревался поехать? Раз ты был в курсе планов брата о похищении мальчика, значит, ты должен знать и о том, как он намеревался распорядиться судьбой Паши.

– Вроде бы он должен был Пашку тому типу передать.

– Какому типу?

– Ну, заказчику.

– Ты это точно знаешь?

– Ага. Так я слышал.

– А что еще ты слышал?

– Больше ничего особенного. Брат вслух только адрес и имя с фамилией мальчишки произнес. И еще несколько раз спросил: «А вы уверены, что это будет для меня безопасно?» А насчет остального только «да» и «нет» говорил. Но из этого ведь много не поймешь.

– Однако тебе удалось узнать о самом главном: твой брат замыслил преступление!

– Да не преступление это было вовсе! – вспыхнул парень. – Толя бы никогда не согласился ни на какое преступление. Ему просто деньги были нужны, а этот тип собирался брату хорошо заплатить.

– И сколько же?

– Не знаю, много.

И сколько ни бились с ним полицейские, парень так и не сказал, где сейчас может быть его брат. То ли и впрямь не знал, то ли был куда хитрее, чем казался на первый взгляд.

– Ладно, побудешь пока у нас, – сказал ему наконец Ромашенко, утомившись от бесплодного допроса.

– Как это – у вас? Мне в школу надо!

– Поздно же ты спохватился! Про школу тебе на какое-то время придется забыть.

– Дяденька, мне и правда в школу надо, – испугался парень. – У нас завтра контрольная по географии. Мне ее кровь из носа написать надо хотя бы на трояк, а то географичка мне пару в году влепит. И в летнюю школу грозилась определить.

Ромашенко посмотрел на парнишку с некоторой долей жалости во взгляде. Витька явно не понимал, как здорово он влип. Ведь его поступки можно трактовать как пособничество в похищении человека. А сроки по таким делам бывают очень солидными. И юный возраст самого преступника его в данном случае от тюрьмы не спасет.

И все-таки Ромашенко не хотелось отправлять юного вымогателя за решетку надолго. Но и оставить его поступок совсем без наказания он тоже не мог.

– Побудешь пока у нас, – повторил он. – В школу ты в этом году больше не пойдешь. И тебе еще придется ответить за то, что ты втянул в преступную аферу младшего товарища.

Услышав это, Гуца совсем скис. Ромашенко мог быть доволен. Он напугал юного правонарушителя, а несколько дней за решеткой окончательно научат парнишку уму-разуму. Парень имеет паспорт, ему уже четырнадцать. А значит, его можно привлечь к ответственности по тяжелым и особо тяжелым статьям. А участие в похищении другого ребенка, да еще с целью выкупа, могло потянуть на приличный срок. Но Ромашенко совсем не собирался всерьез и надолго отправлять младшего Гуцу в колонию, он легко поверил в рассказ паренька, настолько

он соответствовал его глуповатому виду. Только такой вот дурачок мог придумать план передачи денег, который было так легко просчитать. Будь Гуца чуть поумнее, он бы смог придумать простенькую схему увода чужих денег через интернет-ресурсы. Ромашенко встречал таких гениев, которые были способны обчистить карман любого среднестатистического гражданина менее чем за пять минут. И при этом самим гениям случалось не иметь даже паспорта!

Да и вообще, требовать такой смехотворно маленький выкуп с учительской четы – это было как-то очень уж глупо и по-детски несерьезно. Так что Ромашенко не собирался предъявлять пареньку обвинение в похищении. Максимум – мелкое хулиганство. Но самому Гуце об этом знать не надо. Пусть паренек думает, что крупно влип.

Ромашенко полагал, что некоторое время, проведенное за решеткой, возможно, даже отправка в специальное учреждение, ожидание суда хотя бы несколько дней в компании других правонарушителей, строгие надзиратели и учреждения для несовершеннолетних должны были произвести на паренька неизгладимое впечатление, отучив раз и навсегда делать что-то такое, что может заставить его туда вернуться. Может, это было и слишком сильное лекарство, но Ромашенко полагал, что иные тут будут уже неэффективными.

Однако долгое пребывание в таком месте могло сломить слабого духом подростка. Поэтому Ромашенко предполагал продержать Гуцу у себя ровно столько, чтобы хватило для его перевоспитания. Но не дольше.

Что касается старшего Гуцы, то тут Ромашенко был непреклонен. Этот тип должен сесть в тюрьму, и надолго! Неважно, что он, похоже, похитил ребенка не ради выкупа, а по заказу какого-то третьего лица. Важно то, что этот поступок Гуца-старший совершил.

Однако разговор с юным вымогателем почти ничего не дал следователю в плане поисков его старшего брата. И хотя мальчишка утверждал, что старший должен был передать похищенного ребенка заказчику, следователь сомневался, чтобы тот знал имя этого человека и прочие подробности похищения. Ромашенко и его помощники так и этак пытались разговорить младшего Гуцу, но уже через час самый упрямый из них сдался и понял: парень не врет. Он и впрямь ничего больше не знает о планах своего брата. Младший Гуца подслушал и узнал о замыслах старшего слишком мало, чтобы быть полезным в этом плане полиции.

Так что Ромашенко пока что мог лишь ждать ответа на ориентировки на старшего Гуцу, разосланные им по всем отделениям города и области, и надеяться, что похититель где-нибудь да объявится.

Конечно, в идеале было бы хорошо устроить засады во всех местах, где Гуца мог рассчитывать на кров, ночлег и еду, но столько свободных сотрудников в распоряжении Ромашенко не имелось. Ведь неизвестно, когда и где Гуца появится в первую очередь. А дежурить у его собственного дома, квартиры невесты и двух самых близких дружков показалось следователю слишком накладным. Разумеется, он лично побеседовал со всеми этими людьми, объяснив тяжесть содеянного и пригрозив, что в случае укрывательства похитителя они и сами пойдут по той же статье как его сообщники.

Справившись с этой задачей, следователь вздохнул. Теперь ему предстояло последнее на сегодня дело, которое он откладывал, сколько мог. Ему надо было сообщить несчастным родителям похищенного ребенка, что Павла он не нашел и где его искать, тоже не знает. Разговор этот был таким трудным, что Ромашенко предпочел бы лучше десять раз провести задержание опасного преступника, чем объяснить родителям, почему он не может вернуть их ребенка. И хуже того, он не может даже дать им каких-либо гарантий, что это вообще произойдет.

Если самого Гуцу они и сумеют рано или поздно схватить, то с будущим маленького Павла все не так оптимистично. Как правило, большинство похищенных детей похитители убивают в первые же сутки. Чем больше проходит времени с момента похищения, тем больше вероятность, что ребенка убьют. Чудесные исключения, конечно же, бывают. Но в подавляю-

щем числе случаев полиции лучше здорово поспешить, если она хочет передать ребенка в руки родителей живым.

А Ромашенко как раз и не мог спешить. Он мог только ждать, сознавая, что промедление в такой ситуации смертельно опасно для Пашки. И Ромашенко, хотя он и был ни в чем не виноват, а все сделал правильно, ежился от одной только мысли, что ему придется взглянуть сейчас в глаза родителей ребенка.

Глава 3

Сегодняшняя ночь Тани очень сильно отличалась от предыдущей. Если вчера она заснула мертвым сном, еще не дойдя до кровати, то нынче она проворочалась без сна до самого утра. Разговор со следователем начисто отбил у нее всякое желание спать. Следователь не скрыл от нее правды по поводу личности вымогателя. Но Таня считала, что братья Гуцы могут быть в сговоре друг с другом.

– Старший не захотел сам мараться с получением выкупа, а поручил это младшему. А следователь купился на рассказ мальчишки о том, что он якобы не знает, где его старший брат. Надо было не арестовывать мальчишку, а проследить за ним! Уверена, он бы вывел нас к тому месту, где старший держит Пашку!

С трудом дождавшись утра, Таня позвонила следователю, чтобы потребовать от него выпустить младшего Гуцу на свободу.

Но ее поджидал сюрприз. Полицейские сами без помощи мальчишки нашли его старшего брата.

Ромашенко так и сказал:

– Ваш план хорош, но он уже не понадобится. Мы нашли Гуцу и сами.

Вот только голос его почему-то звучал невесело. Но Таня не обратила на это внимания и воскликнула:

– Замечательно! Вы его уже допросили?

– Нет.

– Чего же вы ждете? – возмутилась Таня.

– Сложно сказать.

Следователь отвечал уклончиво, но Таня не сдавалась. Перед ней была возможность заполучить своего сына назад, и она не собиралась отступать.

– А когда допросите? – настаивала она. – Сегодня?

– Вряд ли это возможно.

– Почему? Гуца что... в другой стране?

– Я бы сказал, в другом мире.

Таня помолчала, силясь разгадать смысл сказанного следователем, а потом все же призналась:

– Не поняла, о чем вы говорите.

– Я говорю, что старший Гуца недоступен для нас.

– Но вы же сказали, что нашли его?!

– Правильней было бы сказать: мы нашли его тело.

Таня вздрогнула. А тяжесть, давившая на нее все эти дни, кажется, усилилась многократно.

– Тело? Как – тело? Он что... умер?

– Точней сказать, убит.

Тяжесть буквально задавила Таню. И она едва слышно прохрипела:

– Как – убит? Кем?

– Это я и сам хотел бы знать.

Ромашенко пытался увильнуть от разговора с матерью, но Таня была не тем человеком, кем легко манипулировать.

– А Пашка? – воскликнула она. – Где мой сын?

– Я не могу вам этого сказать. Пока не могу. Он пропал.

Опять пропал! Да что же это такое?! Тане захотелось разреветься, но она понимала, что не время. И стиснув волю в кулак, она продолжила расспрашивать следователя:

– Значит, Пашку вы не нашли, но зато нашли его похитителя... убитым?

И в голосе Тани помимо ее воли прозвучало такое отчаяние, что Андрей, только что вошедший в комнату, тут же подскочил к ней.

– Что случилось?

В голосе мужа слышалось неприкрытое волнение.

– Гуца убит, – прошептала Таня. – Пашка пропал!

– Не может быть!

Андрей побледнел, его затрясло. Если до сих пор он держался превосходно, то теперь, похоже, его вера в то, что все закончится хорошо, дала внушительную трещину.

– Что случилось? – допытывался он у жены. – Кто убит? Дай мне телефон!

Но Таня вцепилась в трубку с такой силой, что Андрею не удалось разжать ее пальцы.

– Немедленно объясните мне, что происходит! – потребовала она у Ромашенко громко. – Я – мать! У меня похищен единственный ребенок! И я имею право знать, как ведутся поиски моего сына! Что случилось с его похитителем? Как именно он был убит? И где?

Поняв, что она все равно от него не отстанет, Ромашенко вкратце объяснил Тане ситуацию.

– Тело Анатолия Гуцы было найдено сегодня примерно в семь утра в лесопарковой зоне поблизости от железнодорожной станции «Ржевка».

– Поправьте меня, если я ошибаюсь... Но ведь «Ржевка» – это где-то неподалеку от Наставников?

– Тот же район, – согласился с ней следователь. – Не так близко, но и не очень далеко. Сейчас на месте обнаружения трупа и в окрестностях работает наша следственная бригада. Есть крохотный шанс, что похититель держал ребенка в одном из домов частной застройки, которые преобладают там на окраине лесопарка.

– Когда его убили?

– Примерно прошлой ночью или даже поздним вечером.

– Так давно!

– Да, уже больше суток прошло с тех пор.

Ромашенко понимал, что это очень плохо. Первый, если так можно выразиться, владелец ребенка был им известен, а вот тот, кто сейчас забрал мальчика, увы, нет. И еще хуже, если убийство Гуцы вообще не связано с похищением. Ведь тогда, где искать ребенка, вообще непонятно.

– А кто его убил, вам уже известно?

– Имя и фамилию я вам не назову. Но, судя по характеру нанесенных ран, это был взрослый, достаточно хорошо развитый физически человек.

– Ребенок не мог этого сделать?

– Вы имеете в виду вашего сына?

– Я не знаю, – испугалась своего вопроса Таня. – Мог и младший Гуца.

– Нет, – заверил ее следователь. – Детям не под силу пробить грудную клетку. А Гуца убит ударом холодного колющего предмета в грудь. Причем удар был нанесен с такой силой, что пробил грудную клетку и повредил ребра.

Таня содрогнулась. Не потому, что ей было жалко этого Гуцу, нет, его она совсем не жалела – поделом негодяю за то, что он посягнул на безопасность ее мальчика. Нет, Тане было опять же страшно за своего сына. Где-то он там – маленький и беззащитный, а вокруг него происходят такие кровавые дела. И совсем некому прикрыть ее дорогого мальчика, некому уберечь его от гибели!

И в ту же минуту голову Тани озарила мысль: ну почему же некому? Есть заступница, к которой всегда можно обратиться. Она-то и спасет Павлушу, когда его родная мать не в силах

этого сделать. Это было своего рода просветление в голове у Тани. И теперь она совершенно четко знала, что ей нужно сделать.

Следователь еще что-то говорил о том, что само убийство совершено не сегодня, скорее всего, Гуца был убит еще прошлой ночью или даже прошлым вечером, больше суток назад, а раз так, то и принять участие вчера в передаче и получении выкупа тоже не мог. И значит, само похищение точно было не выдумкой двух не очень умных братьев, а чьим-то заказом. И что теперь они сосредоточат все свои усилия на поиске этого заказчика, ведь ребенок может быть сейчас у него.

Но Таня уже не слушала Ромашенко. Она уже поняла, что следователь и сам в затруднении. И теперь все ее существо рвалось прочь из дома туда, где, она была уверена, ей сумеют помочь.

Наспех завершив разговор с Ромашенко, Таня схватила свою сумку и вылетела из дома.

– Я в церковь! – крикнула она мужу уже с лестничной клетки.

– Хочешь, я пойду с тобой?

Но Таня лишь отрицательно помотала головой. Ей хотелось побыть одной. Да и до храма Рождества Богородицы, ближайшего к их дому прихода, было всего две остановки, которые Таня на волне эмоций пролетала буквально за считанные минуты.

Вбежав в храм, она нашла глазами икону с хорошо знакомым сострадающим ликом Богородицы и упала перед ней на колени. Одна мать просила другую за своего сына. Таня надеялась, что именно Дева Мария сумеет понять ее боль и поможет отыскать сына. А до тех пор, пока это не случилось, пусть заступничество Богоматери будет у ее сына!

На этот день у двух близких подруг – Киры и Леси – было намечено множество дел. Они собирались посвятить этот день развлечениям. Поехать в крупный торговый комплекс и сходить там в кино на новинку, недавно вышедшую в прокат. Потом они хотели обновить к лету гардероб. А когда устанут, планировали посидеть в ресторанчике. Одним словом, дел у них было намечено предостаточно, и все очень важные.

Под конец приятного дня девушки планировали съесть по порции мороженого и дожидаться своих мужчин, чтобы вместе вернуться в «Чудный уголок» – милый коттеджный поселок, где они вдвоем жили вот уже на протяжении нескольких лет. А в последние годы к ним присоединились также и Эдик с Лисицей, их бойфренды, женихи, гражданские супруги – назовите, как хотите, суть от этого не менялась.

Но все с самого начала пошло не так, весь тщательно продуманный подругами сценарий был поломан. В кино они опоздали. А пока ждали следующего сеанса, устали и разочаровались в шопинге, потому что почти трехчасовой изнурительный марш-бросок по бутикам не принес желаемых результатов.

Подруги почти ничего не купили, кроме какой-то мелочи. Кира приобрела комплект нижнего белья, причем сама говорила, что он явно лишний, так как дома в ящике комода лежит пять аналогичных, даже еще не распакованных. Леся приобрела браслет в отделе бижутерии, причем он разонравился ей сразу же после того, как она вышла из магазина, и теперь Леся ломала голову над тем, кому из родственниц, приятельниц или просто знакомых его пристроить.

– Может быть, перекусим перед кино? – предложила Кира. – Правда, времени у нас уже не осталось.

Но Лесе идти в кино расхотелось.

– Нет, я устала.

– Ну что же ты! – укорила ее Кира. – Ведь договаривались!

– Сходи одна. А я на улице посижу. Все равно в кино я тебе по большому счету не нужна.

– А с кем я буду обсуждать потом фильм?

– Со мной. У тебя будет даже больше преимуществ, потому что ты сможешь рассказать мне его содержание.

Кира рассмотрела предложение подруги, и оно ей понравилось. И все же она спросила:

– А как же ты?

– А что я? Пойду погуляю, что-то у меня голова разболелась.

И Леся не солгала. Голова у нее и впрямь от духоты торгового комплекса стала тяжелой и гудела, словно колокол. Более выносливая Кира с сочувствием смотрела на нее.

Леся поспешила ее заверить:

– На свежем воздухе мне быстро станет лучше.

Итак, они разделились. Кира пошла в кино, а Леся отправилась бродить по улицам. Еще раньше она заметила небольшой зеленый скверик, а возле него нарядную белую церковь с золотыми луковками. Вообще-то Леся в церковь ходила редко, разве что по очень большим праздникам, да и тогда, лишь когда ей об этих праздниках заранее говорили знакомые или она получала от них поздравления в соцсетях.

Правда, люди иной раз и сами толком не знали, с чем поздравляют Лесю. О сути того или иного церковного праздника у большинства Лесиных знакомых были лишь самые общие представления. Почему Христос воскрес и как именно это произошло, сами поздравляющие зачастую не очень-то ясно себе представляли. Хорошо еще, что в последнее время крупные церковные праздники, такие как Рождество и Пасха, стали освещаться всеми крупными телеканалами. И теперь, по крайней мере, в отличие от советских времен, уже невозможно было не знать о том, что, к примеру, сегодня полагается «христосоваться», дарить друг другу крашеные яйца и есть куличи.

Но сегодня был вроде бы самый обычный день, не праздничный. И все же небольшая церковь привлекла к себе внимание Леси. Была она такая удивительно светлая, радостная, что Лесю потянуло к ней. Подойдя, она увидела на дверях табличку, извещающую, что храм этот посвящен празднику Рождества Богородицы. Церковь была Лесе незнакома, она никогда раньше тут не бывала. И Леся, немножко помявшись у порога, все же решила войти внутрь. Однако прежде чем она поднялась хотя бы на одну ступень, дверь храма отворилась и оттуда вышла женщина с таким бледным и заплаканным лицом, что Леся невольно содрогнулась.

Какое же невероятное горе случилось у этой в общем-то молодой женщины, практически ее ровесницы или чуть старше? Неужели умер кто-то близкий? Может быть, даже ребенок?

От этой мысли у добросердечной Леси защемило душу. Она посторонилась, желая пропустить незнакомую ей женщину, а уже потом войти в храм. Но тут произошло неожиданное. Женщина, занеся ногу над ступенькой, оступилась и со слабым криком полетела вниз прямо на Лесю. В последний момент Леся успела растопырить руки, сгруппироваться и только чудом удержалась на ногах, приняв на себя вес упавшей женщины. На какой-то миг ей показалось, что она не устоит и что они сейчас обе полетят на землю, но все закончилось благополучно.

Леся удержалась на ногах и помогла женщине принять вертикальное положение.

– Спасибо вам, – пролепетала та. – Не знаю, как я так умудрилась?!

– Ничего ведь не произошло. Так что не за что и благодарить.

– Нога подвернулась, – попыталась оправдаться перед Лесей женщина.

– Вам надо посидеть.

И Леся помогла незнакомой женщине доковылять до лавочки, стоящей неподалеку. Там женщина с облегчением вытянула пострадавшую ногу и признательно улыбнулась Лесе:

– Спасибо, вы мне здорово помогли.

– Всегда рада, – улыбнулась Леся. – Как ваша нога?

– Думаю, что ничего страшного. Шевелю ею, и вроде бы больно совсем немного.

– Ну, тогда...

И Леся хотела уже идти по своим делам, может быть, все-таки зайти в храм, но неожиданно обнаружила, что незнакомая женщина по-прежнему держит ее за руку.

В ответ на вопросительный взгляд Леси та неожиданно спросила:

– Скажите, а вы часто ходите в церковь?

– Да нет, – удивилась Леся. – Вообще-то редко.

– А мы с мужем бываем каждую неделю.

– Это вы молодцы!

Леся не знала, что ей сказать еще. Но странная женщина, казалось, не собиралась ее отпускать.

– Знаете, я сегодня пришла сюда, потому что у нас с мужем большое горе. Наш ребенок...

Она не договорила, и из ее глаз потекли слезы. В душе Леся поразились, как точно угадала причину горя этой женщины.

– Умер? – ахнула она.

– Нет, нет! – всплеснула руками женщина, отпустив на мгновение Лесю.

Тут бы Лесе повернуться и бежать, но она почему-то осталась. И была немало поражена, услышав признание незнакомки:

– Моего сына похитили. А теперь полиция говорит, что похитивший ребенка человек и сам мертв. Вот я и пришла в храм – молить Богородицу, чтобы она спасла моего мальчика, как-то защитила от той опасности, которой он, я уверена, подвергается сейчас.

Теперь Леся окончательно оказалась в тупике. Будучи не слишком-то верующей, она полагала, что в таком деле надеяться на заступничество небес нечего, а надо шевелиться самой. Но глядя на эту миниатюрную женщину с залитым слезами лицом, она понимала: вряд ли той под силу отыскать своего сына самостоятельно. И не потому, что та какая-то там глупая, а Леся, наоборот, умная, но просто в любом деле, чтобы оно было сделано хорошо, нужна холодная голова. А у этой несчастной матери эмоции зашкаливали за грань разумного, это было видно невооруженным глазом – и, конечно, не позволяли ей провести расследование самостоятельно.

– Полиция вам должна помочь.

– Но у нашего следователя столько других дел! Ему постоянно звонят какие-то люди, отвлекают от поисков Паши!

– Уверена, он делает все возможное.

Но помимо воли, в словах Леси не прозвучало должной уверенности. Нет, она не сомневалась в следователе, просто дел у него и впрямь могло быть слишком много, чтобы он мог уделить каждому особое внимание. Ну, не в человеческих это силах – вести разом по несколько дел, каждое из которых требует оперативных мероприятий, допросов, очных ставок и бесконечного заполнения протоколов.

И хотя у следователя должно быть немало помощников, но почему бы не появиться еще двум... или даже четверем?

Эта мысль мелькнула в голове у Леси где-то на заднем плане. Сама по себе, самостоятельно. И вроде бы Леся совсем не собиралась помогать этой женщине.

А между тем ее язык, словно тоже сам по себе, уже интересовался:

– А ваш муж? Он сотрудничает с полицией? Помогает следователю? Ездит? Разговаривает со свидетелями?

– Андрей? Ну, как вам сказать... Что он может? Он ведь не профессионал.

– Мы с подругой тоже не профессиональные сыщицы, однако мы распутали уже не одно сложное дело, – похвасталась Леся.

И в ту же минуту женщина вновь схватила ее за руку.

– Так вы сыщица? – воскликнула она.

– Любительница.

– Но сыщица? – настаивала та. – И опыт у вас, говорите, имеется?

– Да. Кое-какой опыт есть.

– А те дела, которые вы распутывали... Они были опасными?

– Всякие бывали.

Женщина замялась. А потом неожиданно произнесла:

– Посмотрите, какой он славный!

И женщина показала Лесе смартфон, на заставке которого был запечатлен чудный мальчуган. Главным его украшением были глаза – живые, блестящие и умные. Но и вся мордашка была очень симпатичной. Чувствовалось, что этот малец еще покорит немало женских сердец. Но кроме этого, было в нем и еще какое-то особое мужское очарование, которое отличает просто красивых мужчин от мужчин обворожительных. Обворожительный мужчина может и не обладать особой физической красотой, но в его внешности есть нечто такое, отчего все женщины будут буквально млеть.

– Да, мальчик у вас очень симпатичный.

– И милый, и послушный, и внимательный!

– Просто отлично.

– Мне даже страшно подумать, что со мной будет, если он не найдется!

Леся уже давно почуяла, к чему идет этот разговор. Все-таки она и впрямь обладала хорошо развитой интуицией, которая и помогала ей зачастую принимать хоть и необоснованные, но оказывающиеся правильными решения.

Поэтому Леся совсем не удивилась, когда услышала от незнакомки следующие слова:

– А вы не могли бы помочь нам с мужем? Похитители требовали за жизнь сына сто тысяч рублей. Но так как похититель мертв... Я с удовольствием отдам эти деньги вам!

– Что вы! – воскликнула Леся. – Зачем? Не надо мне ваших денег!

– Дорогая! – порывисто воскликнула женщина. – Милая, родная! Но что же еще я могу вам дать?

– Не надо мне ничего!

– Найдите моего сына! Умоляю вас!

В ее глазах было столько веры и надежды, что у Леси не повернулся язык, чтобы отказать женщине.

– Пожалуйста, – еще сильнее взмолилась та. – Помогите мне!

– Я помогу! Помогу вам!

– Я вам сейчас же дам аванс.

И женщина полезла в сумочку, откуда вытащила толстенькую пачку денег.

– Нет, нет! Спрячьте, – встревожилась Леся. – Я помогу вам так...

– Как...?

– Ну, просто помогу. У вас беда, что же я стану наживать на вашем горе?

Женщина смотрела теперь на нее с недоверием.

– Все понятно, – вздохнула она наконец. – Вы не хотите браться за это дело.

– Нет, я же сказала, что помогу вам!

– Тогда возьмите деньги. Так полагается! Ну, хотя бы на расходы, на бензин! Вам же придется куда-то ездить.

– Не исключено. Даже более чем вероятно, что придется.

– Вот и возьмите.

И женщина не успокоилась, пока не вручила Лесе несколько купюр.

– Ну вот, – лицо у нее посветлело, – теперь, когда все формальности улажены, можно и познакомиться. Меня зовут Татьяной. А вас?

Леся тоже представилась. И Татьяна поведала Лесе историю, которая нам с вами уже хорошо известна. Леся же слушала очень внимательно, стараясь не упустить ни одного слова.

Ведь в расследовании иной раз итог как раз и зависит от одного-единственного, случайно пророненного словечка.

– А знаете, почему я именно к вам обратилась с просьбой найти моего сына? – произнесла Татьяна, когда закончила свой невеселый рассказ.

– Нет, не знаю.

– Вы только не подумайте, что я какая-нибудь кликуша или сумасшедшая. Нет, я нормальная женщина. Но... Но когда я была в церкви и молилась перед иконой Богородицы, мне почудилось, как будто бы чей-то голос сказал мне... сказал... И знаете, что интересно, голос был такой необычный! Тихий, но при этом внятный. Властный и одновременно очень ласковый, сочувствующий.

– Удивительное сочетание!

– Вот и я о том же! Мне никогда еще не приходилось испытывать такого ощущения.

– И что же сказал вам голос? – спросила Леся, надеясь, что после этого они приступят к обсуждению более важных тем.

– Он сказал: выйди и проси. Причем «проси» прозвучало, как «проси сразу, в ту же минуту!» И я вышла и сразу же попросила. Вас!

И Татьяна посмотрела в упор на Лесю. Та под взглядом женщины даже поежилась. Касания таких материй Леся избегала.

Но все же она поинтересовалась у женщины, скорее, из вежливости, чем из желания знать ответ на свой вопрос:

– Полагаете, что с вами разговаривала Дева Мария?

– Ну, не она сама... Но кто-нибудь из ее приближенных ангелов.

Леся лишь вздохнула в ответ. Конечно, Татьяне повезло, что она обратилась со своей просьбой именно к тому человеку, который может ей помочь. Но в целом это просто совпадение, никак не более того.

И Леся продолжила расспрашивать Таню, как она считала, по делу:

– Говорите, этот похититель Гуца действовал по чьему-то наущению?

– Да, у него был заказчик. Полиция в этом уверена.

– Интересно было бы познакомиться с этим человеком. Уверена, мальчик сейчас у него.

– Вы тоже так думаете?

– Да. И более того, я думаю, что заказчик также расправился с самим Гуцей.

– Но почему он это сделал?

– Во-первых, чтобы не платить. Этот мотив приходит в голову первым. Но если подумать, то есть и еще одна вещь. И поэтому, во-вторых, Гуцу могли убить, чтобы не оставлять в живых свидетеля.

– Но они же с заказчиком сообщники!

И Леся принялась объяснять Татьяне:

– Гуца действовал глупо, много где и перед кем засветился. Заказчик понимал: от такого исполнителя необходимо избавиться как можно скорее, иначе, когда его схватят, Гуца тут же выдаст полицейским личность заказчика. И я думаю, заказчик от него избавился, когда забирал ребенка.

– Но кто же он, этот заказчик?

– А вот это нам и надо выяснить в первую очередь.

– Да, но как? Полиция схватила брата Гуцы, но мальчишка не знает, с кем говорил брат.

Он только слышал телефонный разговор.

– Телефонный, говорите? А вот это может сработать.

– Что?

– По телефонному номеру легко вычислить личность звонившего. Если отсеять все известные телефонные номера этого Гуцы и оставить только тот, который появился в последнее время и владельца которого остальные знакомые Гуцы не знают, это и будет номер заказчика!

И Леся посоветовала Татьяне:

– Попросите вашего следователя раздобыть список звонков, сделанных с телефона Гуцы или поступивших на его номер. И пусть его оперативники поработают с этими номерами.

– Хорошо, – пролепетала Татьяна, преисполнившаяся уважения к Лесиным познаниям. – Я ему скажу. Обязательно!

– Отлично. А мы, со своей стороны, побеседуем с ближайшим окружением этого Гуцы.

– А... а зачем?

– Ну а как же? Кто-нибудь из них мог видеть заказчика или что-то слышать о нем. В таком деле может пригодиться любая зацепка.

Татьяна задумалась.

– А кто это мы? – поинтересовалась она наконец. – Кто еще будет работать с вами?

– Обычно мы работаем вдвоем – я и моя подруга. А если повезет, то и наши кавалеры к нам присоединяются. Они хоть и не очень-то любят всякие расследования, но если их хорошенько попросить, могут здорово помочь в деле.

– Тогда ста тысяч вознаграждения, пожалуй, будет мало, – огорчилась Татьяна. – Но я раздобуду еще! Займу у родных!

– Забудьте вы про деньги! Давайте, сначала найдем вашего Пашку, потом уже и будете нас благодарить.

Татьяна снова всхлипнула. На этот раз от переизбытка благодарности. Но расплакаться она не успела.

– А вон и мой муж идет, – произнесла она внезапно, кивая в сторону высокого худощавого мужчины.

Леся тоже посмотрела, и увиденное ей понравилось. Муж Татьяны как-то сразу располагал к себе открытым прямым взглядом. Не так-то часто встретишь людей, которые посмотрят вам прямо в глаза и при этом не возникнет ощущения, что им от вас что-то надо.

– Так я и думал, что ты здесь, дорогая.

– Я неловко ступила, подвернула ногу и чуть было не упала. Но эта милая девушка – Леся – мне помогла. И еще она согласилась помочь нам в поисках Пашки.

Андрей выглядел удивленным и, пожалуй, чуточку обескураженным.

– Дорогая, – нерешительно произнес он, обращаясь к жене, но поглядывая при этом на Лесю, – но поисками нашего сына уже занимается полиция. Ты не думаешь, что не стоит подключать к этому делу... первую же встречную... А?

Леся сделала вид, что не слышит его слов. Но ее заинтересовала реакция отца ребенка. Похоже, он совсем не рад, что его сына будет искать еще кто-то. Что это? Обычное мужское желание, чтобы все вокруг исполнялось по его воле и ничьей больше, опасение, что усилия Леси могут только навредить, а не помочь, или же что-то иное?

Но Леся не успела додумать свою мысль, потому что Татьяна начала много и эмоционально говорить, снова заплакала, и уже через несколько минут Андрей растерянно посмотрел на Лесю и произнес:

– Жена настаивает на вашем участии в нашем деле.

– И что вы решили?

– Что ж, я не против, можете приступать.

Андрей произнес это уже с откровенным раздражением в голосе.

– Если вам не нравится эта идея, то я не стану вмешиваться, – нахмурилась Леся.

Таня кинула на мужа укоризненный взгляд.

– Нет, отчего же, – смутился Андрей. – Как хотите, я только боюсь, как бы вы не навредили, вместо того чтобы помочь.

Так вот в чем дело! Леся самодовольно улыбнулась.

– Можете не волноваться. Еще не было случая, чтобы наши с подругой усилия повредили кому-то, кроме преступников. Вот им действительно стоит опасаться нас!

При этих словах сыщицы Андрей почему-то покраснел. Впрочем, возможно, ему просто стало жарко. Ведь он спешил следом за женой, потом выслушивал ее эмоциональный монолог, а теперь еще и был вынужден принять решение, которое ему самому не слишком-то нравилось.

Но так или иначе, а Леся получила добро на ведение поисков от обоих родителей похищенного ребенка. И теперь ей предстояло как-то обыграть ситуацию, чтобы друзья захотели ей помочь. Впрочем, насчет Киры она не волновалась: подруга в любом случае поддержала бы Лесю. Проблема могла возникнуть с Эдиком и Лисицей, которые не всегда одобряли сыщицкую деятельность подруг. И Лесе казалось, что это будет как раз такой случай, когда мужчины принятого ею решения не одобряют.

Поэтому Леся даже подготовила небольшую речь, которую и опробовала на Кире, когда та появилась из кинотеатра.

– Мальчик? Маленький мальчик похищен злодеем?! – воскликнула Кира, едва дослушав подругу до конца. – Конечно, мы должны помочь!

Леся обрадовалась. Подруга реагировала именно так, как она и ожидала. Леся продолжила рассказывать дальше, и Кира заметно скисла:

– Еще и убийство? Это несколько осложняет дело. Ты же помнишь, что сказали наши кавалеры в прошлый раз.

– Помню, никаких убийств, – вздохнула Леся.

– Максимум – мошенничества и мелкие кражи, – подтвердила Кира. – Они, видите ли, беспокоятся за нашу безопасность.

– Можно подумать, раньше мы их слушали!

– Не станем слушать и сейчас.

Вот только как преподнести это решение подруг мужчинам? Эдик и Лисица такое открытое неповиновение точно не одобряют. А ссориться с мужчинами в преддверии начавшегося расследования подруги не хотели.

– Они могут быть нам полезны, если согласятся помочь.

– Да, но если не станут помогать, то хотя бы пусть палки в колеса не вставляют!

Девушки немного подумали, а потом Кира предложила Лесе:

– А что если сказать ребятам, что похищен кто-нибудь из твоих многочисленных малолетних родственников?

– Выдать Таню за мою кузину?

– Ну да, против помощи родственникам Эдик возражать не осмелится.

– Не так он воспитан своей мамой, – подтвердила Леся.

При упоминании об этой персоне Кира испуганно вздрогнула. Потенциальная свекровь Леси неизменно вселяла в нее ужас своими прекрасными манерами, воспитанием, а также умением внушать всем окружающим уверенность в собственном над ними превосходстве. Каким образом ей это удавалось, оставалось загадкой. Но все и вся вокруг этой дамы трепетали перед ней.

Впрочем, с Лесей эта дама держалась не только вежливо, в ее речи иной раз проскальзывало даже нечто вроде нежности к ней. Но, так или иначе, а властная мама сумела внушить Эдику понимание важности семейных уз, так что семью Леси он теперь рассматривал как свою собственную. А значит, каждый ее член мог рассчитывать на его поддержку и защиту.

– А ради Эдика и Лисица смирится с необходимостью расследования убийства. Они ведь друзья. А как известно, родственник моего друга – почти что мой родственник.

Разобравшись с этим вопросом, подруги приступили к непосредственному обсуждению того, чем им предстоит заняться в первую очередь.

Они понимали, что пока единственная зацепка для них – убийство старшего Гуцы. По словам полицейских, это никак не было похоже на убийство с целью ограбления. Бумажник, часы и золотая цепочка на шее остались при покойном. Кто бы ни был его убийца, деньги или ценные вещи Гуцы его не интересовали.

– А значит, убийство это явно связано с похищением ребенка.

– Девяносто девять и девять десятых процентов, что это так!

Таня успела рассказать, что полицейские в поисках Пашки активно прочесывают местность, где было обнаружено тело Гуцы.

И теперь подруги собирались обмозговать возникшую у них в связи с этим идею.

– Таня говорит, этот лесопарк находится недалеко от дома Гуцы. Минут за двадцать-тридцать можно дойти пешком, а если на машине, то вообще пять минут ходу. Очень может быть, что там у Гуцы живет какой-нибудь приятель.

– Но где? И кто? Как это понять?

– А мы с тобой не полиция, мы не можем действовать наобум. Силенок у нас не хватит, чтобы прошерстить всех, кто в дачном поселке живет, и допросить каждого из его обитателей на предмет похищенного Пашки.

Даже учитывая, что у подруг была фотография Пашки, они не смогли бы допросить всех граждан, проживающих в окрестностях места убийства Гуцы. И подруги снова задумались, как им поступить дальше.

– Нет, обыскивать весь микрорайон – это глупо. Слишком много потратишь сил и слишком маленький коэффициент отдачи. Пусть этим занимается полиция, если у них сил много. А мы пойдем другим путем, – многозначительно произнесла Кира.

И прежде чем Леся успела поинтересоваться, что же она задумала, Кира сказала:

– Поехали, я знаю, что делать!

И сама первой поспешила в направлении стоянки, где дожидался подруг их верный «Гольфик», спутник всех путешествий и приключений. Никогда он не подводил их, старательно пробираясь как по закоулкам родного города, так и по бездорожью пригорода.

Это ведь только в Европе дорожки даже в самых глухих захолустьях гладкие, словно скатерть. У нас все иначе. Но если «Гольфику» иной раз и приходилось несладко на наших российских дорогах, то он молчал и никогда не жаловался. Его немецкая работоспособность порой поражала подруг, порой восхищала, а порой и заставляла невольно злиться.

Ну почему наши машины родной российской сборки так не могут? А если и могут, то выглядят они почему-то при этом как танки!

Глава 4

Лесе не терпелось узнать, что задумала подруга. Но оказалось, что план Киры прост и незамысловат. Они поедут домой к Гуце, найдут его родителей и побеседуют с ними. Повезет – выйдут также и на дружков Гуцы или даже на его невесту. Конечно, с этими людьми уже пообщались полицейские. Но одно дело полицейские, которые при желании могут упечь вас за решетку, причем надолго. И совсем другое дело две милые и полные сочувствия частные сыщицы, от которых никакого вреда нет и быть не может, а одна лишь польза и сочувствие.

Ловко пользуясь своим умением внушать людям приязнь к себе, Кира с Лесей иной раз добивались удивительных результатов. Там, где не срабатывали жесткие методы полиции, приходил черед подруг, с их обольстительными или просто дружелюбными улыбками.

– Если полицейским приятели и родственники Гуцы ничего не сказали о его планах, это неудивительно. Никому не хочется быть причастным к такому грязному делу. Тут можно случайно и за решетку угодить.

– Можно подумать, с нами эти друзья или родственники станут добровольно откровенничать.

– Значит, мы их заставим.

– Заставим?

– Ну, вынудим.

В голосе Киры слышалась уверенность. Она много раз завязывала знакомства со случайными людьми, и всегда это получалось у нее успешно. Леся умела это делать ничуть не хуже. Главное – нащупать интересную для собеседника тему, выбрать верный тон и понравиться ему. Успех часто построен на личном обаянии, а этого подругам было не занимать.

В ведении дел умение завоевывать симпатию – это вещь немаловажная. Ведь если вы привлекаете к себе сердца людей, привлекаете и все прочие части их тела, а значит, и их самих, и их капиталы, а также все, чем они располагают. В данном случае подруг интересовала информация, которой располагали эти люди. А информация, как известно, иной раз бывает дороже всякого золота.

Адрес Гуцы сообщила подругам все та же Татьяна, которой оперативники во время процесса задержания младшего Гуцы показали дом ее обидчика. В планах подруг было также посетить дачный поселок на окраине соседнего лесопарка, в котором было обнаружено тело Анатолия Гуцы. Но это были планы, до которых еще надо было дожить.

Оказавшись во дворе дома Гуцы, подруги завертели головами, пытаясь сориентироваться, куда идти. Татьяна назвала им дом, но не квартиру. Неподалеку на лавочке сидели и грелись на солнышке местные пенсионеры – просто неоценимые свидетели, если их разговаривать.

Подойдя к крайнему старичку на лавочке, Кира вежливо спросила:

– Не знаете, где живут братья Гуцы?

Этот вопрос запустил цепную реакцию по ряду пенсионеров. Он передавался из уст в уста. Когда он дошел до самой упитанной и рослой старухи, сидящей на противоположном конце лавочки, раздался ответный вопрос:

– А зачем они вам?

– Мы по поводу случившегося несчастья.

По ряду стариков пошла новая волна пересудов.

– Из полиции!

– Гляди, нынче и девок в полицию берут!

– Славные вроде, и чего в полиции забыли!

– Детей бы лучше рожали!

– А мы, бабы, все успеем! – бойко отозвалась какая-то мелкая подвижная старушонка. – И послужить, и нарожать!

– Нет-нет, – запротестовала Кира. – Мы совсем не из полиции. Нас наняла мать похищенного мальчика, чтобы попытаться найти его следы.

По лицам стариков промелькнуло сочувствие. Горю матери все они были бы рады помочь. Это Кира угадала верно.

Крупная старуха величественно кивнула головой Кире и сказала:

– Сказать мы вам можем, да что толку? Они вам все равно не откроют.

И тут же остальные хором подхватили:

– Даже участковый, сколько ни звонил в их квартиру, ответа не получил.

Выходит, родители братьев Гуцев прячутся, не желая комментировать ситуацию.

– А чего прятаться, будто бы мы не знаем, что одного сына у них за решетку упекли, а старшего так и вовсе убили.

– А знаете за что?

– Вроде бы мальчика он какого-то похитил. Небось не один действовал, а с друзьями.

– Дружки у него – оторви и брось.

– То-то я всегда удивлялась, чего это такой положительный парень и с таким отребьем дружит. А теперь понимаю: одного он с Севкой Ржавым поля ягода! Что тот дрянь, что Гуца дрянь!

– Ишь чего удумали! А Гуца этот еще хорошим прикидывался.

– А вы как хотите, я не верю, что это Гуца затеял. Севка его подбил!

– Да, тот мог!

Кира поинтересовалась:

– А кто этот Севка Ржавый?

– Дружок.

– Пьянь подзаборная.

– Пьянь или не пьянь, а участок еще его отцу был выделен как раз там, где тело старшего Гуцы нашли.

– На «Ржевке»?

– Ага, там.

Подруги торжествующе переглянулись. Они ожидали успеха, но не думали, что он будет таким быстрым и ошеломляющим. Расспросив у старичков дорогу к участку отца Севки Ржавого, они поспешили снова в путь. Ехать им пришлось пять минут с учетом небольшой пробки. Наверное, рано утром или поздно вечером сюда можно было добраться куда быстрее.

Эту часть города, застроенную частными домами, домиками, хибарками, сараюшками и совсем уж неказистыми дощатыми строениями, которые иначе как сортирами и назвать-то трудно, однако же их владельцы гордо именуют себя «частниками», подруги видели впервые. Раньше судьба как-то не забрасывала их в эти края, так что теперь они с интересом оглядывались по сторонам.

Город активно наступал на эти «домовладения», выстроившись напротив них новенькими бетонными коробками. Победа нового над старым была очевидна. Но все же кое-где эти строения еще держались. Видимо, земли тут были неопределенного назначения, зажатые с одной стороны кладбищем, с другой – лесопарком, с третьей – заброшенной территорией какого-то завода, а с четвертой – железнодорожными путями, так что до прояснения вопроса с ними состоятельные люди избегали тут строиться, невзирая на близость к городу и удобное транспортное сообщение. Селилась всякая голытьба, которой терять было нечего.

Кто-то использовал эти строения в качестве жилья, кто-то приспособил их под мастерские, другие просто бывали от случая к случаю, чтобы снять урожай с немудрящего огородика или пожарить на природе шашлычки.

Участок Севки Ржавого и его отца на фоне общего запустения поражал своей ухоженностью. В саду в аккуратном огороде копалась какая-то женщина. Но, к удивлению подруг, на грядках вместо привычных моркови, капусты или салата росли разнообразные цветы. Совсем еще маленькие кустики астр; пионы, уже готовые выпустить свои головки; едва набухшие бутоны ирисов. За согнутой спиной женщины был виден маленький чистенький домик, в комнатах даже были повешены кружевные занавески.

– Простите, – обратилась к ней Кира. – Мы ищем, кто бы мог сдать нам комнатку на лето.

Женщина подняла голову, и стало видно, что она уже очень немолода и жизнью отнюдь не избалована. Простое, обветренное на солнце лицо, вытравленные химической завивкой волосы, грубые руки и неуклюжая, тяжелая фигура говорили о том, что женщину эту всю жизнь сопровождает нужда, но тем не менее, рук она не опустила и готова трудиться ради любой лишней копейки для своей семьи.

– Да где же тут для вас жилье-то найти? – произнесла она, с недоумением разглядывая наряды подруг, их щегольские кожаные сумочки, новенькие туфельки и модные стрижки. – Неужто вы тут поселиться захотите? Вы по сторонам-то гляньте: разве это подходящее место для таких барышень, как вы?

– Мы для бабушки комнатку на лето ищем. Она все равно из нее никуда не выйдет, ходит уже плохо. Ей бы только, чтобы в доме было чисто, свежий воздух и вокруг дома цветочки. Вот как у вас! Вы-то сами не сдаете?

Женщина замерла на месте. Ее мозг просчитывал выгоду от предложенного ей мероприятия.

– Никогда не сдавала, – наконец, призналась она. – Но, с другой стороны, отчего бы и не попробовать? Домик у нас, почитай, всегда пустой стоит. Сын вырос, мужу тут не нравится. У нас в городе квартира, там мои мужики и ошиваются. А я сюда убегаю. Но если бабушка тихая, отчего бы и не пустить старушку к себе? Тихая она?

– Очень тихая.

– А заплатите сколько? – жадно поинтересовалась женщина. – Я слышала, что по двадцать тысяч в месяц некоторые берут!

Двадцать тысяч за этот курятник! Да она с ума сошла. Видимо, эти сомнения отразились на лицах у подруг, потому что женщина поспешно сказала:

– Понимаю, что вам это кажется большой суммой. Но я могу за эти деньги за вашей бабушкой и ухаживать. Супчик ей там сварить, кашку. Уборка опять же на мне будет. Вы можете совсем не приезжать.

Подруги сделали вид, что колеблются. И тогда женщина, уже в мечтах заработавшая и, наверное, потратившая деньги, воскликнула:

– Да вы сами посмотрите, как у меня все внутри обустроено!

Этого-то подруги от нее и добивались. Им позарез было нужно взглянуть на домик Севки Ржавого и понять, мог он, или Гуца, или они вместе прятать тут похищенного Пашку или же для того тут не было места. Но оказалось, что внутри домик вполне приличный. Тут даже имелась железная печурка, на которой женщина и готовила нехитрую еду. Условия, прямо сказать, спартанские. Бабушка-старушка вряд ли бы тут смогла жить. А вот для того, чтобы подержать мальчишку – в самый раз. Правда, при условии, что мальчишка не будет шуметь. Иначе соседи, которых тут масса, должны были услышать крики ребенка.

Значит, Пашку каким-то образом заставили замолчать. Но каким? О худшем развитии событий подругам даже не хотелось и думать.

Между тем, новая знакомая поинтересовалась их мнением:

– Ну, как вам мой дом?

– Нам очень нравится. Думаем, что и бабушке у вас будет хорошо, тем более что вы согласны для нее готовить.

– За деньги отчего бы и не приготовить? – пожала плечами тетка. – Могу и из своих продуктов. Только это будет подороже, конечно.

– А вы разные блюда можете готовить? – для отвода глаз спросила Кира. – Или только суп и кашу?

– Я все могу, – гордо заявила женщина, – потому что стаж поварской у меня почти двадцать лет. И все это время я в детском садике проработала.

Так вот откуда дармовые продукты, которыми можно кормить старушку за хорошую цену! Видимо, муж и сын не успевали съесть все то, что тащила повариха из садика, или она сочла, что будет выгоднее накормить постороннюю старушку, чем своих собственных охламонов, которых корми не корми, а все не впрок.

Но женщина, не подозревая о мыслях, посетивших подруг, продолжала:

– На лето садик закрывается, так я на цветах зарабатываю. Сначала нарциссы с тюльпанами идут хорошо, потом пионы с ирисами. Ну а дальше уже летники поспевают. Вот, мечтаю парничок себе соорудить, тогда дело-то быстрее пойдет, рассаду можно выращивать и вообще.

Женщина была явно хозяйственной, из тех, кто никогда лишней копейки не упустит. Вот только методы, которыми она добывала эти копейки, были далеко не всегда безукоризненно чистыми. Наверное, поэтому и бедность никак не хотела убрать свою костлявую руку с горла этой бедняги.

– Так что, договорились мы с вами насчет бабушки?

Мысленно хозяйка уже потирала руки в предвкушении выгодной сделки. Двадцать тысяч в месяц – это шестьдесят тысяч за лето, или два новых парника. А если еще сделать так, чтобы старушке тут понравилось и она задержалась бы и на сентябрь, это же еще и на новый холодильник хватит!

– А? Договорились?

– Да, думаю, что да. Только как у вас тут насчет окружения?

– В смысле? – опешила женщина.

– Пока по поселку ходили, мы на полицейских наткнулись. Какого-то пропавшего мальчика у вас ищут. И еще говорят, что убийство у вас тут ночью случилось.

– Что? – насторожилась женщина. – Неужели до сих пор ходят?

– Ходят. Наверное, и к вам зашли?

– Мимо проходили, – вздохнула она. – Около полудня еще дело было. Я с ними разговаривала. Они мне фотографию ребенка показали и спросили, не видела ли я его.

– А убитого фотографию они вам не показывали?

– Нет, ее не показывали.

Женщина говорила совершенно спокойно. Ничто не выдавало в ней особого волнения. Знай она, что убит Гуца – близкий приятель ее сына, уж, наверное, заволновалась бы хоть немножко. Вероятно, она ушла из дома еще рано утром, и, когда полицейские обходили друзей и знакомых Гуцы, ее не было там. Так что убитый в их поселочке мужчина был для нее всего лишь абстрактным персонажем, из-за судьбы которого лишний раз трепыхаться не стоило.

– И мужчина этот не из наших, – подтвердила догадку подруг мать Ржавого. – У нас тихие люди живут. Я так полицейским и сказала, когда они ко мне пришли.

– Как? Прямо в дом пришли?

– Ну, в дом я их не пустила, еще не хватало! Но по двору пошастали, у нас ведь не огорожено, сами видите.

Подруги видели. Вряд ли несколько дощечек, кое-как скрепленных проволокой, можно было назвать забором. Но в дом полицейские не заходили, вот что важно. Они просто прошли мимо этой женщины и ее дома.

– Да вы не думайте, у нас спокойно, – заверила подруг женщина. – Этот ребенок, как я поняла, он не местный. Во всяком случае, я такого мальчика среди здешних сорванцов не

припомню. Наверное, из дома удрал, у мальчишек это случается. Мой, когда подростком был, вечно куда-нибудь удирал. Хорошо, если к ночи возвращался. А то мог у дружков и на пару дней зависнуть.

– А ваш сын тоже этим домом пользуется?

– Ну, бывает, заходит. Но если ваша бабушка тут жить будет, то я ему скажу, чтобы он не совался. Вы не беспокойтесь, никто ее не потревожит. Только она, я да мои цветочки.

И женщина покосилась на клумбы и грядки, где ждали полива, рыхления и прочего ухода ее питомцы. Было ясно, что надо сворачивать разговор.

– Нам все понравилось. Мы на ваше предложение согласны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.